

Всероссийская научная конференция с международным участием

ХIII Кантовские чтения
«Кант в русской и мировой литературе»
Памяти Л.А. Калининкова (1936–2025)

Аннотации докладов

Калининград, 22–23 апреля 2026 г.

Содержание

- Афанасьев М.В.** Реминисценции кантовского понятия о свободе в философии Б.Н. Чичерина
- Белов В.Н.** Кантиана Л.А. Калининкова. Замысел и итоги
- Ван Вэйюй.** «Имманентная трансценденция» как антропологическая структура: Кант и Франк
- Гильманов В.Х.** Проблема космологического коррелята творчестве Канта и С.А. Снегова
- Дементьев И.О.** Критика разума: образ Канта в художественной литературе от Бертольта Брехта до Феликса Хайденрайха
- Зильбер А.С.** Кант об антагонизме в истории человечества: смыслы и версии интерпретации
- Каплун В.Л.** Современная кантианская традиция понимания Просвещения и понятие «письмена/литература» (lettres) в XVIII веке
- Козлова Д.А.** «Оборонительный либерализм» И. Канта в интерпретации Б. Миллера
- Корнилаев Л.Ю.** Неокантианство – это неофихтеанство. Аргументы Л.А. Калининкова
- Круглов А.Н.** Мемориальные кантовские торжества в XX веке: от кайзеровского Кёнигсберга до российского Калининграда
- Крыштоп Л.Э.** Влияние идей философии И. Канта на Л.Н. Толстого и их отражение в романе «Воскресение»
- Куприянов В.А., Малинов А.В.** Историко-философские сюжеты в творчестве А.И. Введенского
- Луговой С.В.** Образ Канта в поэзии Сэма Симкина
- Малышев А.В.** «Нравственное царство Божие» в философии религии Иммануила Канта и богословских лекциях святителя Иннокентия (Борисова)
- Переpletкин А.В.** Кантовская философия в рецепции В.С. Соловьева как поэта и писателя
- Попова В.С.** Л.А. Калининков о Кантовых принципах критического мышления
- Проскуряков В.А.** Кантианские мотивы в образах свободы: А.С. Пушкин и декабристы
- Пушкарский А.Г.** И. Кант, И.Е. Орлов и истоки релевантной логики
- Рожин Д.О.** Размышляя над романом С.А. Снегова «Люди как боги»: И. Кант и отклоненная альтернатива
- Румянцева Т.Г.** Кантовская философия как интеллектуальный горизонт белорусской литературы
- Семенов В.Е.** Структура трансцендентального метода И. Канта
- Троцак А.И.** О сходстве некоторых идей прп. Нила Сорского и Иммануила Канта в вопросе построения этического сообщества
- Фролов В.В.** Кант как союзник теизма в статьях профессоров русских духовных академий С.С. Глаголева, В.И. Экземплярского, Д.П. Миртова
- Чалый В.А.** Понятие антагонизма в кантовской философии истории
- Черненко И.Г.** Кант в новейшей немецкой художественно-эссеистической прозе
- Чернышев А.В.** Выгоды репризы трансцендентального идеализма в работах Гуссерля

Михаил Вячеславович Афанасьев

магистрант по направлению подготовки «Классическая традиция и русская философия» ВШФИиСН, лаборант Академии Кантианы / НОЦ «Центр исследования русской мысли» БФУ им. И. Канта

Реминисценции кантовского понятия о свободе в философии Б.Н. Чичерина

Как отмечают исследователи (Валицкий, Искра, Зорькин, Евлампиев) русский правовед Б.Н. Чичерин (1828–1904) не был эпигоном или приверженцем догмы гегельянской философии – что философии права, что гносеологии. Так, в качестве одного из существенных отклонений они указывают переосмысление понятия «свободы». С одной стороны Чичерин отдавал должное Кантовскому его понимаю и превозносил вклад великого немецкого философа в развитие нашего понимания свободы, указывая, что он преодолел тупиковую развилку философии нового времени между основаниями внешних чувств и личной воли, с одной стороны, и требованиями разума – с другой, в рационализме индивидуалистического толка; реакцией на который были с одной стороны скептицизм, отрицающий связь восприятий в познании, с другой – солипсизм, отказывающей всему кроме чисто умозрительного отношения. Согласно Чичерину, Кант занимается проблемой связи познания и жизни. При этом само понимание Чичерины свободы, декларативно дополняющее понимание Канта, заключается в свободе во вне – в возможности действовать без произвольных ограничений возможности выбора, в свободе же внутренней – в возможности выбирать между добром и злом. В своём докладе я пытаюсь показать, что Чичерин с одной стороны недооценивает сложность мысли Канта вследствие ограниченного знакомства с его сочинениями, с другой намеренно огрубляет позицию последнего, для её инструментализации и использования в полемике в рамках собственной философии. Для первого положения я реконструирую на материале использованных Б.Н. Чичериным сочинений Канта (а именно «Критики чистого разума», «Критики практического разума» и «Основоположений к метафизике нравов») понимание свободы, которое из них следует: именно необходимо добродетельного поведения. Для второй обращаюсь к «Религии в пределах одного только разума», в которой Кант развивает концепцию склонности ко злу.

Владимир Николаевич Белов

зав. кафедрой онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук РУДН им. П. Лумумбы

Кантиана Л.А. Калининкова. Замысел и итоги

Мой доклад будет строиться на убеждении в том, что позиция Л.А. Калининкова в отношении Канта претерпела определенные изменения, и я бы назвал эти изменения эволюцией от *догматического кантианца*, яростно критикующего любые интерпретации, исходящие не от самого Канта, а из попыток посмотреть на его философию со стороны, то есть самостоятельно (при этом симптоматично отнесение неокантианцев к неохегелеанцам) и находящего положительные влияния кантовских идей на творчество самых разных мыслителей, в основном поэтов и писателей, прежде всего, русских, даже в малой доли их ими усвоения, чему посвящены многочисленные публикации Л.А. Калининкова, в том числе и монографии, – до *критического кантианца*, которым он предстал, на мой взгляд, в своей последней монографии «Философская система Канта. Замысел и итоги». В этой работе сам Л.А. Калининков предстает как самостоятельный исследователь, позволяющий себе интерпретировать Канта так, как он считает верным, если трансцендентального философа считать не «великим путаником» (термин В.А. Жучкова), а великим реформатором и систематиком.

Исследование выполнено при поддержке FSSF-2026-0009 «Философия и религия: перекрестки культур и политики» (№ госзадания 1025031100105 - 3 - 5.6.1; 6.3.1)

«Имманентная трансценденция» как антропологическая структура: Кант и Франк

Формирование философии С.Л. Франка тесно связано с его диалогом с неокантианством. Вместе с тем Франк унаследовал кантовский интерес к переосмыслению метафизики в рамках критической философии, а также внимание Канта к антропологической проблематике. Поэтому для более глубокого понимания философской антропологии Франка необходимо рассмотреть, каким образом он наследует и развивает философско-антропологические идеи Канта. В связи с этим в статье ставятся две задачи: во-первых, прояснить, в каком именно смысле Франк испытал влияние кантовской философско-антропологической мысли; во-вторых, показать, почему «имманентное трансцендирование» может рассматриваться как ключ к пониманию кантовской философской антропологии, и каким образом была унаследована и развита Франком.

Различные сочинения Канта едва ли можно безоговорочно свести к единой «философской антропологии». Несомненно, Кант прямо ставит вопрос «что такое человек?» как основание других философских вопросов, развивает эту проблематику в различных сочинениях, и предпринимает попытку тематически выстроить собственный антропологический проект. Однако в то же время Канта критикуют за многозначное употребление самого термина «антропология», а его эксплицитно сформулированный проект «прагматической антропологии» касается главным образом эмпирической стороны человека, и потому не способен охватить целую проблематику человека во всей его философии. В данной работе утверждается, что тема человека в философии Канта занимает важное место и что различные аспекты человеческого бытия обсуждаются им во всей его философской системе. Хотя это и не образует завершенной и систематически оформленной антропологии, в кантовской философии намечается возможность более глубокой «трансцендентальной антропологии». Именно в этом смысле Франк наследует и развивает кантовскую философско-антропологическую идею, приходя к своеобразной метафизике человеческого бытия и стремясь к целостному образу человека.

В критической философии Кант заново определяет место проблемы трансцендентного посредством различения между явлением и вещью в себе, а также посредством ограничения пределов легитимного употребления разума. Это не означает устранения всякой проблематики трансцендентного; скорее, она приобретает иную форму. В сфере теоретического разума она прежде всего выступает как указание на границы опыта; в сфере практического разума она вновь соединяется с измерениями свободы, закона и должного. Тем самым обосновывается особая «человеческая точка зрения»: человек не только обусловлен опытом, но и всегда заключает в себе нормативное измерение, которое не сводится к эмпирическому уровню. Поэтому «имманентное трансцендирование» можно использовать как ключ к пониманию кантовской философской антропологии: в философии Канта трансцендентное уже не предстает как некое сущее вне познания, но становится вопросом самой структуры субъекта, то есть вопросом о том, каким образом конечный разум в суждении, свободе и должном выходит за пределы сугубо эмпирического уровня.

Франк продолжает кантовское стремление поставить человека в центр философского рассмотрения и, развивает антропологическую проблематику, исходя из вопроса о возможности знания. Его не удовлетворяет сведение этого вопроса к рамкам эпистемологического анализа и к проблеме границ разума, и также отказывается понимать человека лишь как познающий субъект. Поэтому Франк переводит вопрос о возможности знания в онтологическую плоскость: человеческое познание и самобытие всегда укоренены в Абсолюте, предшествующем субъектно-объектному различению, — Всеединстве, Непостижимом. Отношение человека к бытию не исчерпывается понятийно оформленным предметным познанием, но раскрывается как «живое знание». Тем самым человек перестает

быть лишь абстрактным рациональным субъектом: в самой своей жизни он оказывается причастным реальности и обретает живое переживание реальности. Поэтому трансцендентное измерение человека выражается не только в осознании границ разума, но и во внутренней соотнесенности человека с самим бытием. В этом смысле философская антропология Франка представляет собой одновременно продолжение кантовской проблематики и ее углубление и переосмысление в контексте русской философии.

Проблема космологического коррелята творчестве Канта и С. Снегова

Предлагаемая работа выполнена в жанре кризисологических изысканий в попытке актуализации хроносотериологического потенциала в изоморфной близости трансцендентальной эстетики Канта и поэтики Пространства -Времени в трилогии калининградского писателя С. Снегова «Люди как боги». При этом объектом исследования является, прежде всего, характер нарративной организации, с одной стороны, «трансцендентальной повествовательности» в текстах Канта и, с другой стороны, художественного неомифологизма в «космической опере» Снегова. Основным предмет – идейно-философская конкретизация соотношения бытийного хаосмоса и исследуемых нарративов, прежде всего, в контексте проблемы «круга между нарративностью и временностью» с опорой на тезис о том, что «время становится человеческим временем в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом» (П. Рикёр). Основным методологический принцип основан на теории об исходной космологичности языка. Следствием декосмизации языка являются не только онтологическая деградация человека, но и разрушение «софийной» метрики пространства и времени вселенной, что в хронотопе трилогии Снегова художественно кодировано в деятельности Разрушителей, создавших Станцию Метрики искривления пространства (в книге «Вторжение в Персей»), и в страшной болезни «рака времени», поразившей цивилизацию аранов (в книге «Кольцо обратного времени»).

С опорой на убеждение, что в своем максимуме идеи Кантаактуализируют саму проблему существования Вселенной, будучи связаны с «антропным принципом» в современной науке, наша работа обращается к проблеме хроносотериологии будущего на основе практического разума, укорененного в интеллигибельной идее свободы от эмпирического ряда и способного к моральному целеполаганию. Не вызывает сомнения, что моральные императивы в соединении с научно-техническими достижениями совершенного общества предстают в трилогии Снегова как основные средства антропологической терапии поврежденной пространственно-временной структуры вселенной.

В предварительных выводах работы утверждается, что, несмотря на жанровую разницу, нарративные дискурсы Канта и Снегова связывает своеобразная метафизическая идиллия, основанная на вере в способность человека решить сотериологическую задачу спасения Пространства-Времени на основе априорных структур разума. То, что оба ощущали онтологическую недостаточность своих хроносотериологий, свидетельствуют «танталовы муки» (в письме Гарве от 21.09. 1798) Канта в отношении проблемы «перехода от метафизических начал естествознания к физике» и собственный взгляд Снегова на роман «Люди как боги» как на «мягкую» пародию «космической оперы». Это, однако, не снижает общей ценности творческих феноменологий Канта и Снегова в отношении проблемы антропокосмизма реальности и космологичности языка.

Илья Олегович Дементьев

доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук БФУ им. И. Канта

Критика разума: образ Канта в художественной литературе от Бертольта Брехта до Феликса Хайденрайха

Кант, который нередко ассоциируется с торжеством рационализма, подвергался систематической и бессистемной критике со стороны философов. Великий философ с достаточно скучной биографией, он не мог не привлекать внимание писателей. Может сложиться впечатление, что в художественной литературе его образ также зачастую сознательно окарикатурируется, причем, как выясняется, легче всего высмеять как раз кантовский рационализм. Герои комедии Якоба Ленца в обработке Бертольта Брехта (1950) иронизируют над нелогичностью кантовского пацифизма; Томас Бернхард в пьесе «Иммануил Кант» (1978) отправляет женатого Канта за океан — прямо в объятия психиатров; даже могила Канта используется писателями для художественного решения задачи дискредитации рационализма: Клаас Хёйзинг в романе «Вещь в себе» (1998) помещает в могилу Канта артефакт с подписью библейского Адама, который дискредитирует рационализм. Попугай Канта Фридрих, соперник мыслителя Гаман, слуга Лампе (роман Феликса Хайденрайха «Слуга философа», 2020) — постепенно фокус внимания смещается с фигуры самого Канта на его окружение, демонстрируя одновременно важность восстановления контекста для интерпретации мысли великого кёнигсбержца, обоснованность корреляции между философией и бытом, возможности политической трактовки художественного образа.

Кант об антагонизме в истории человечества: смыслы и версии интерпретации

Проводится сравнение двух смыслов понятия «антагонизм» в социально-политической мысли Канта. Первый смысл – антагонизм в отношениях между людьми; его истоки, содержание и функция (телеологическая) изложены достаточно ясно; он тесно связан с понятием «необщительная общительность». Второй смысл – антагонизм в отношениях между государствами, эта фраза упоминается у Канта всего единожды и установление её контекста является задачей интерпретации. Один из вопросов в её рамках – отражают ли эти два смысла всего лишь два проявления одного и того же антагонизма, либо их истоки совершенно различны, даже если между ними обнаруживается много сходства. Ответить однозначно на этот вопрос трудно, один вариант ответа формируется и явно обозначен в кантовской этике и антропологии (истоки антагонизма едины, различны лишь проявления), другой вариант столь же явно представлен в философии истории и философии права (содержание и функции различны, несмотря на сходства). Оба варианта порой разбираются в одном и том же сочинении, например, «К вечному миру», и это можно рассматривать как свидетельство того, что антагонизм в отношениях между государствами у Канта – это скорее малозначительный и случайный образ, метафора, чем системообразующее понятие. Однако, помимо этого в сферу рассмотрения вступают различные версии интерпретации кантовского «антагонизма» у историков философии: антагонизм – это вечное (М. Фергюсон) либо преходящее (А. Вуд, Л.А. Калинин); антагонизм вполне можно удержать в рамках правовых отношений (Ф. Герхардт), либо в его регулировании следует учитывать поднятую романтиками тему культурных различий (Ю. Хабермас). Отдельного интереса заслуживает сравнение интерпретаций антагонизма в российском кантоведении. Л.А. Калинин представил ход истории согласно Канту как диалектическую триаду, в которой антагонизм практически отсутствует в начальном (архаичном) и в конечном (царство целей) состоянии развития культуры. Альтернативный взгляд представлен в интерпретации Э.Ю. Соловьева: «история как учительная драма» без гарантированного исхода. В кратком рассмотрении планируется комментарий: какой интерес представляет каждый из этих подходов и насколько возможно их совмещение.

Современная кантианская традиция понимания Просвещения и понятие «письмена/литература» (*lettres*) в XVIII веке

В кантианской перспективе понимания Просвещения, сложившейся за последние десятилетия в философии и в интеллектуальной истории, историческое движение Просвещения определяется не через рождение новых прогрессивных идей, как в старой доброй истории идей (теория прогресса, права человека, свобода совести и т.д.), но через возникновение в определенный момент истории нового измерения реальности – «публичности», – связанного с тем, что Кант назвал «публичным использованием разума». Рождение «публичности» предполагает возникновение в обществах *Ancien Régime* нового набора институтов – «публичной сферы», новых культурных практик «публичного использования разума», нового общественного слоя – «публики», новой инстанции авторитета – общественного мнения, или «*opinion publique/public opinion*». Помимо этих феноменов, одним из условий возможности Просвещения является рождение в национальных культурах, вовлеченных в движение Просвещения (французской, немецкой, российской и др.), новой культурной модели, или новой антропологической фигуры, которую во французском языке XVIII века обозначали как *gens de lettres* (также *hommes/femmes de lettres*) – «люди письмен». Поскольку французский язык служит в эту эпоху *lingua franca* общеевропейского движения Просвещения, французское понятие в значительной степени служит оператором самопонимания современников-акторов движения Просвещения в его разных национальных ветвях.

В современных русских переводах франкоязычных (и иноязычных) текстов XVIII и XIX вв. для передачи французских выражений *gens de lettres* и *hommes/femmes de lettres* принято использовать слово «литераторы». В докладе будет показано, что такой перевод неточен и в определенных контекстах может вводить в заблуждение и затруднять понимание самого эмансипационного проекта Просвещения – как и некоторые переводы на современный русский других понятий языка европейского Просвещения. Мы также попытаемся охарактеризовать некоторые особенности свойственного этой новой антропологической фигуре стиля мышления, а также характерные для нее новые культурные практики.

«Оборонительный либерализм» И. Канта в интерпретации Б. Миллера

В попытке оправдать свою концепцию теории международных отношений часто отсылаются к мыслителям прошлого. Не избежал этого и неореалист Бенджамин Миллер. В центре доклада лежит обсуждение его основополагающей методологической статьи «Демократизация: наступательный либерализм в сравнении с остальными теориями», в которой автор ввел понятие «наступательного либерализма», а также предложил классификацию четырех подходов к международным отношениям («наступательный/оборонительный реализм/либерализм»), основываясь на выборе средств для достижения цели (насильственные/ненасильственные и односторонние/многосторонние) и образе будущего (однополярная/многополярная система). Нужно отметить, что в первую очередь исследователь фокусируется на проблеме применения силы для демократизации недемократических обществ, поднятой американскими исследователями в 2000-х гг. и сохраняющей свою актуальность сегодня.

Несмотря на то, что Миллер разделяет идеи наступательного либерализма, он рассматривает философские основания каждого из подходов. Так, предтечей оборонительного либерализма автор назначает И. Канта, опираясь на его проект «вечного мира», а также идею сопротивления революционному вмешательству. Сам оборонительный либерализм рассматривается Миллером как направление, препятствующее военной интервенции для смены режима и демократизации, а также выступающее в пользу постепенного институционального развития.

Тем не менее, исходя из текста Миллера, мы замечаем, что идеи Канта могут быть отнесены и к другим подходам (например, оборонительному реализму). В пользу этого говорят выдвигаемые самим Миллером хронологические рамки исторических примеров, концепты войны И. Канта, а также описывая им в похожих терминах «ловушка Фукидида». Сложность также вызывает и то, что Миллер обозначает за «образ будущего», так как в текстах прусского философа мы находим и «глобальную демократизацию», и «баланс сил», и идею «коллективной безопасности».

Таким образом, в рамках доклада нам предстоит дать ответ на следующие вопросы: предтечей какого подхода все же является И. Кант, а также способны ли новые ответвления двух конкурирующих подходов в теории международных отношений (политического реализма и либерализма) сохранить границы идейных противоречий?

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 25-28-00698 «Разработка кантовской концепции антагонизма и критика современных интерпретаций “вечного мира” в теории международных отношений».
<https://rscf.ru/project/25-28-00698/>

Неокантианство — это неофихтеанство. Аргументы Л.А. Калининкова

Тезис о том, что неокантианство содержательно было в большей степени связано с философией Фихте, чем с философией Канта, неоднократно звучал в истории философии, в частности, у Х.-Г. Гадамера, М. Хайнц, Ю. Штольценберга, Г. Эделя, Ф. Вицлебена, Ф. Байзера, Н.А. Дмитриевой и др. Разные исследователи вкладывают различный смысл в этот тезис. Так, например, Х.-Г. Гадамер видел связь неокантианства и философии Фихте в идее интерсубъективности, а Ф. Байзер прояснял эту связь главным образом в социально-политическом аспекте идей Фихте. Заметный вклад в дискуссию о содержательной связи между неокантианством и философией Фихте внес Л.А. Калининков в своей статье: «О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта» (2010). Л.А. Калининков негативно оценивает философию Фихте в том смысле, что она является искажением мысли Канта, а демонстрация преемственности между неокантианцами и фихтеанскими ревизиями Канта приводит его к оценке неокантианства как полностью отошедшего от кантовских идей философского направления. «Неокантианство – это *не*кантианство». Неокантианские проекты близкие скорее к философии Фихте не имеют ничего общего с Кантом, а само название «неокантианство» вводит в заблуждение исследователей. Л.А. Калининков опирается на оценку Кантом философии Фихте в «Заявлении по поводу наукоучения Фихте» (1799). Л.А. Калининков показывает, что поскольку проекты неокантианцев были нацелены на разработку именно «чистой логики», то они, следовательно, как и философия Фихте, не имеют реального объекта, и с высокой долей вероятности самим Кантом были бы оценены как отход от его идей. Трансформация вещи в себе в бесконечную задачу познания, смешение мышления и познания, наделение индивидуального человека способностью чистого мышления дает основания говорить, что неокантианство не столько относится к кантианству, сколько «дублирует метафизическую ошибку Фихте», и потому неокантианцы ближе к неофихтеанству. В докладе будет реконструирована аргументация Л.А. Калининкова и будет оценено её место и значение в дискуссии о неофихтеанской сущности неокантианства.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-78-10071 «Пространство и время в британской, немецкой и русской философии XVII-XIX веков», <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>

Алексей Николаевич Круглов

зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ, Москва

Мемориальные кантовские торжества в XX веке: от кайзеровского Кенигсберга до российского Калининграда

Добрая традиция отмечать 22 апреля день рождения Иммануила Канта стала в современном российском Калининграде настолько привычной, что воспринимается так, будто она была всегда. Между тем, она была заложена лишь в позднее советское время, и у истоков этой традиции стоял Л.А. Калининков. До сих пор периодически возникают и обсуждаются вопросы о том, чем празднование дня рождения Канта в советском и российском Калининграде отличалось от соответствующего празднования в Кенигсберге XX века: как в период кайзеровской Германии, как в период Веймарской республики, так и в период Третьего рейха. Более детальное изучение этой традиции, роли и участия в ней университета Кенигсберга приводит к неожиданным выводам, опровергающим сложившиеся шаблонные оценки.

Людмила Эдуардовна Крыштов

профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН им. П. Лумумбы

Влияние идей философии И. Канта на Л.Н. Толстого и их отражение в романе «Воскресение»

Л.Н. Толстой является одним из известнейших отечественных мыслителей, интересовавшихся и глубоко погружавшихся в изучение философии И. Канта. Внимание Л.Н. Толстого привлекала прежде всего практическая философия, а именно вопросы, связанные с моралью и религией и их взаимосвязью. Нередко встречается мнение, что Л.Н. Толстого, хоть и с некоторыми оговорками, можно считать последователем Канта. Действительно, многие положения кантовской моральной философии нашли у русского писателя глубокий отклик и оценивались им исключительно положительно. К таким положениям следует отнести учение Канта о моральном законе, безусловности морального должностования, высшем благе и др. Особое внимание Толстой, еще со времен знакомства с «Критикой чистого разума», уделял постулатам практического разума, в особенности, бытия Бога и бессмертия души. В целом, уверение себя в существовании Бога и бессмертия души на основе действенности нравственного закона оценивалось Л.Н. Толстым положительно. В то же время можно отметить и ряд расхождений, прежде всего в отношении к религии и связи морали и религии. В докладе будут представлены вехи знакомства Толстого с кантовской философией и предпринята попытка проанализировать влияние, которое идеи Канта оказали на русского писателя. Отражение кантовских идей в творчестве Л.Н. Толстого будет рассмотрено с опорой на его роман «Воскресение».

Виктор Александрович Куприянов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Алексей Валерьевич Малинов

НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

Историко-философские сюжеты в творчестве А.И. Введенского

Предметом доклада является анализ историко-философских сюжетов в творчестве видного представителя кантианства в России, профессора Санкт-Петербургского университета, Александра Ивановича Введенского (1856–1925). История философии занимала существенное место в научно-философской деятельности А.И. Введенского. В различных учебных заведениях Петербурга, прежде всего, на историко-филологической факультете Петербургского университета, он читал курсы истории философии для студентов. В центре его внимания была древняя (античная) философия и философия Нового времени, которую он завершал анализом философии Канта и послекантовского немецкого идеализма до Гегеля. В докладе предполагается уделить внимание рассмотрению методов и приемов историко-философского исследования в творчестве Введенского, оценке Введенским отдельных эпох и персоналий истории философии, а также его взгляду на историю русской философии в общем контексте историографии отечественной философии того времени. Предполагается указать, что рассмотрение философских школ и учений прошлого служило для Введенского средством обозначить свою собственную позицию по ряду философских проблем, которыми он занимался, прежде всего, в области теории познания. В этой связи привлекает внимание его взгляд на философию Канта и послекантовскую немецкую философию, которая была для Введенского отправной точкой собственного философского творчества. Хотя взгляды самого Введенского на историко-философский процесс соответствовали общему подходу к истории философии, принятому в его время и во многих сформированному под влиянием немецкой историографии философии XIX в., внимательный анализ позволяет выявить специфические черты в трактовке Введенским отдельных философских учений. В докладе предполагается провести аналитический обзор как сохранившихся литографированных курсов по истории философии, так и собственных работ Введенского о философах прошлого (о Канте, Декарте, Лейбнице и др.). Планируется осветить и круг пособий по истории философии, которые Введенский использовал в своей преподавательской практике. Отдельно будет обращено внимание на деятельность Введенского в Философском обществе при Санкт-Петербургском университете, которое в начале прошлого века вело важную работу по изданию переводов классиков европейской философии на русском языке.

Сергей Валентинович Луговой

доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук БФУ им. И. Канта

Образ Канта в поэзии Сэма Симкина

В докладе будет проанализирована эволюция образа Иммануила Канта в произведениях известного калининградского поэта и переводчика, выпускника Московского Литературного института им. Горького, члена Союза писателей СССР Сэма Хаимовича Симкина (1937–2010). В ранних стихотворениях он воспроизводил распространенные в массовой культуре стереотипы о Канте: «и по моим пробежкам в рейсе сверять бы мог прогулки Кант!» («Судовое время»). В перестройку и 1990-е годы Симкин ознакомился с творчеством поэтов Восточной Пруссии и перевел ряд их произведений на русский язык, в том числе цикл сонетов «Один день с Кантом» и стихотворение «Смерть Канта» Вальтера Шеффлера (1880-1964), а также «Города знаменитые...» Зигфрида Засника (1903-1971): «А о Канте и о Гердере всуе, ты меня извини, ни к чему разглагольствовать, да еще при таланте». Особое место в наследии Симкина занимает перевод стихотворения Канта «Февраль», он длиннее оригинала почти на треть. Причина в том, что все это – «вольные переводы, ибо во имя торжества смысла и русского звучания стиха мне (*т.е. С. Симкину*) приходилось иногда в той или иной степени отступить от «дословной» точности оригинала». Другие свои размышления об особенностях труда поэта-переводчика Сэм Хаимович выразил в небольшом стихотворении «Переводя стихи Канта»: «...безукоризненные по форме стихи должны быть «вещью в себе»! Его обстоятельно проанализировал Леонард Александрович Калининков в книге «Иммануил Кант в русской поэзии (философско-эстетические этюды)». В своих поздних произведениях Сэм Симкин подчеркивал, что в Калининграде мы живем «на той земле, что знала Канта» («Скажу не ради похвальбы...»), «...земляк наш Кант» («Золотой ключик») и так выразил главную идею кантовской этики: совесть и талант верно служат и в жару и в стужу, они подходят ко всему в жизни, бывало, на пределе.

«Нравственное царство Божие» в философии религии Иммануила Канта и богословских лекциях святителя Иннокентия (Борисова)

В докладе будет рассмотрен концепт «Нравственное царство Божие» в наследии Иммануила Канта и святителя Иннокентия (Борисова) (1800 – 1857). В качестве материала будут использованы «Религия в границах одного только разума (Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft) первого и лекции по догматическому богословию второго, читанные им в начале тридцатых годов позапрошлого века в Киевской духовной академии. Постановка вопроса о сравнении взглядов и терминологии Канта и святителя Иннокентия обоснована известной (по современным исследованиям кантианства и русской традиции) рецепцией святителем установок Канта и его ответом Канту на тезисы, вступающие в конфликт с учением о Боге и человеке восточной православной Церкви. Упоминанием Канта (своего рода диалогом) с ним особенно примечательны лекции святителя Иннокентия по догматическому богословию, при этом обращение к Канту (и традиции неологии) характерно и для других частей наследия святителя (например, лекций по обличительного богословию или сочинения «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа»).

Рабочая гипотеза осуществляемого исследования состоит в представлении о своего рода рецепции святителем Иннокентием из философии религии Канта среди прочего и концепта «Нравственное царство Божие», которое, как известно, полагается им в фундамент системы догматики – что есть уникальный факт в традиции православного (русского и не только) богословия. Согласно святителю, догматическое богословие можно делить на три части: учение о Боге как основателе нравственного царства; учение о Боге как восстановителе нравственного царства; учение о Боге как Судии нравственного царства.

Помимо терминологических параллелей в наследии Канта и святителя Иннокентия можно говорить и о концептуальной рецепции святителем идей Канта, адаптируемых им к задачам православного богословия. Одна из таких – кантовское представление об истинной Церкви как представительнице нравственного царства (*moralische Reich Gottes*), разрабатываемая святителем в мистико-христологическом отношении, а также методология сравнения общины-церкви с политической общностью и др.

Кантовская философия в рецепции В.С. Соловьева как поэта и писателя

Доклад посвящен рецепции кантовской критической философии в творчестве Владимира Соловьева. Кант был довольно высоко ценим Соловьевым, но, пожалуй, именно от этого еще более критикуем. В своих полемических работах «Кризис западной философии (против позитивистов)» и «Критика отвлечённых начал», статье для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона про Канта, а также прочих работах более положительного содержания, Соловьев, отмечая положительные моменты его философии (например, разделение автономии и гетерономии), подвергает Канта критике практически что со всех сторон его многогранной философии: от недостаточной проясненности различия между трансцендентальным и эмпирическим субъектом и необоснованности уже различения определяющей и рефлектирующей способности суждения, а также предполагаемых возможными кантовским этическим учением мук совести из-за всего лишь исполнения долга в силу сострадания, то есть такой специфичной гетерономной мотивации, до вообще тенденции к изобретению *ad hoc* искусственных терминов в целом.

Полное рассмотрение этой критики в рамках доклада не представляется возможным, поэтому, учитывая специфику конференции, будет предпринята попытка рассмотрения с учетом такого сложного горизонта места Канта у Соловьева как именно поэта и писателя. После обозначения общего философского подхода Соловьева к нему я планирую перейти к его отображению в художественном. Л.А. Калининковым была уже рассмотрена поэтическая составляющая этой темы в его книге «Кант в русской философской культуре» (Калининград, 2005, с. 104-131) поэтому я бы хотел, учитывая его проницательность в этом, лишь дать свои комментарии к его разборам стихов Соловьева «Эмману-эль» и стиха, который получил в исследовательской литературе название «Из письма» (1890), то есть тех творениях, где можно усмотреть имплицитное присутствие Канта. Также я коснусь пьесы Соловьева «Альсим», в отношении которой Леонард Александрович в той же книге вскрывает мнимое кантианство Профессора. Затем я бы хотел также рассмотреть писательскую деятельность Соловьева, рассказ «На заре туманной юности...», где прямо встречается кантианская терминология, а также его «Три разговора...». Как я полагаю, хотя в этой работе имя Канта прямо не называется, все же скрытая полемика там может быть обнаружена, а именно он вновь полемизирует с этической концепцией Канта, но, учитывая общий сдвиг взглядов Соловьева, который происходит в этой работе-завещании, также и дистанцируется от кантовского взгляда на историю. Им вводится концепция «вдохновения добра» как третьего по отношению к разуму и совести, чем обличается недостаточность кантовской этики. Согласно Соловьеву, моральное действие в своей конкретности не исчерпывается простой формальной нормативностью и требует антиномистического трансцендентно-имманентного импульса. Отсюда сама мировая история получает свое особенное эсхатологическое измерение, и необщительная общительность перестает быть столь важным фактором, каковым она была у Канта.

Л.А. Калинин о Кантовых принципах критического мышления

Первое и главное, с чего обычно начинают рассмотрение Кантовского подхода к проблеме и методологии критического мышления – это различие критического и догматического мышления соответственно собственной философской типологии великого мыслителя. В этом смысле воспользуюсь реконструкцией этого различения, данной В.Н. Брюшинкиным, которая во многом была важна в контексте калининградского кантоведческого дискурса. Критическое мышление Брюшинкин определяет в аргументативном ключе как «последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам и ценностям» [1, с. 30], а догматическое мышление характеризует как «мышление, основанное на принятии фактов, теоретических положений, норм или ценностей как раз и навсегда установленных и не подлежащих пересмотру» [Там же]. В этом смысле, действительно, на первый план выступают такие Кантовские принципы критического философствования, как идея пропедевтической роли логики как канона, идея самостоятельности мышления как интеллектуального «совершеннолетия», идея демаркации знания/научно обоснованного знания от иных форм рефлексии.

Однако, в статье «"Критицизм" Канта и становление критического мышления» (2003) [2] Л.А. Калинин вовсе не выводит на первый план эту проблему демаркации догматического и антидогматического мышления, упоминая в первой части работы лишь о том, что «некритический разум, отдаваясь стихии некритического, догматического мышления, не признает никакой определенности, теряет всякие ориентиры и устремляется в такие эмпирии, которые абсолютно лишены всякого жизненного значения и в которых разум теряет и самого себя» [2, с. 41]. Далее и более подробно в этом размышлении Калининным были намечены более содержательные, положительные, а не противопоставительные характеристики критической рефлексии, такие, как: обеспечение творческой деятельности человека, исходя из предпосылки «принципиального различия между субъектом познания и познаваемым объектом» [Там же, с. 38-39]; поддержание трансцендентальной рефлексии, т.е. не только познавательной деятельности («на что все последующее развитие проблемы, как правило, не обращает ни малейшего внимания» [Там же, с. 39]), но и аксиологической функции, т.е. оценки ценностей, и нормативно-праксеологической функции, т.е. функционирования системы практических норм (см. [Там же, с. 39]); видение границ, умение выявлять антиномии и стремиться к их разрешению [Там же, с. 41], а в философском мышлении – «"критицизм" – философский корабль Канта – должен быть проведен между Сциллой "догматизма" и Харибдой "скептицизма" без повреждений и пробоин» [Там же с. 47].

В контексте исследовательского интереса Л.А. Калининкова принципы антидогматического и по-кантовски критического типа мышления особенно явственно проступают на фоне сравнения с русским культурно-историческим типом философского мышления. Профессором Калининным в ряде работ блестяще показано, каким образом Кант выступает яркой антитезой и, одновременно, вдохновителем творческих идей и исканий в русской культуре. Такому сравнительному анализу в широком контексте сопоставления идей Канта и прозрений русской философской культуры, как известно, посвящен широкий работ Леонарда Александровича ([3], [4], [5] и др.). Так, например, в работе «Кант в русской философии» (2005) [6] Л.А. Калинин выделяет следующие характеристики кантианского типа философствования, которые, по моему мнению, имеют отношение к тому, как квалифицируется калининградским профессором критическое мышление как таковое в идеальной его реализации:

1. «Рациональность, логичность как высший принцип философского мышления» в противовес нерациональности (мистичности), сверхразумной созерцательности в русской религиозной философии [6, с. 63]. С этой собирательной русской философской рефлексии как не критической не всегда можно согласиться, обратив внимание, например на фигуру Н.О. Лосского и на то, что его понятие интуиции как познавательного механизма имманентной философии вводится именно как рациональная способность в сравнении с чувственной и мистической способностями души. Само же по себе требование логичности. Конечно, является непреложным для критического мышления и Калининников обращает наше внимание на это на основе глубокого разбора архитектоники Кантовой системы.
2. «Относительность знания; абсолютная истина есть лишь трансцендентальный идеал, к которому познающий субъект лишь бесконечно приближается» [Там же]. В противовес этому в русской религиозной философии Л.А. Калининников видит склонность к абсолютизации знания и к вере в то, что знание без заблуждений достижимо [Там же].
3. «Аналитическое разложение целого до чистых сущностей...» в кантовской философии в противовес цельности, синтетичности видения мира в русской религиозной мысли [Там же, с. 64]. В этом аспекте важно отметить, что в указанной работе 2004 года на первый план выведена аналитичность критического философствования, однако в монографии 2021 года, посвященной философской системе Канта в целом, подчеркивается свойственная ей «ориентация на рациональный синтез противоречивых научных или метафизических положений, стремление уйти от односторонних крайностей, если есть логическая возможность объединить их» [7, с. 20]; и далее – «давая характеристику своего метода, в отличие от традиционного, Кант в “Уведомлении...” подчеркивает синтетические его свойства» [Там же, с. 50]. Очевидно, можно констатировать если не некий пересмотр, то смещение акцентов в оценке критического способа мышления, даваемой Л.А. Калининниковым применительно к философской системе Канта в целом вне компаративистских характеристик.

В выступлении предполагается рассмотреть эти и другие характеристики критического философского мышления с точки зрения их разбора и представления в работах разных лет профессора Л.А. Калининникова и сосредоточить внимание на том, каким образом эти принципы реализованы в научной деятельности самого калининградского философа в его итоговой монографии о философской системе Канта (2021).

Список литературы

1. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация: Сборник статей // Критическое мышление, логика, аргументация / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. – Калининград: Издательство КГУ, 2003. – С. 29-35.
2. Калининников Л.А. «Критицизм» Канта и становление критического мышления // Критическое мышление, логика, аргументация: Сборник статей / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. – Калининград: Издательство КГУ, 2003. – С. 35-50.
3. Калининников Л.А. Кант в русской философской культуре: Монография. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005., – 311 с.
4. Калининников Л.А. Иммануил Кант в русской поэзии: Монография. – М.: Канон+, 2008. – 415 с.

5. Калининков Л.А. Поэты-мыслители А.С. Пушкин и А.А. Фет и философия И. Канта в их творчестве: Монография. — Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. — 449 с.
6. Калининков Л.А. Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта: Труды международного семинара и международной конференции: в 2 ч.. Том Часть 1. — Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2005. — С. 58-63.
7. Калининков Л.А. Философская система Канта. Замысел и итоги: Монография.. — Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021. — 222 с.

Владислав Анатольевич Проскуряков.

студент бакалавриата ВШФИиСН, лаборант Академии Кантианы / НОЦ «Центр исследования русской мысли»
БФУ им. И. Канта

Кантианские мотивы в образах свободы: А.С. Пушкин и декабристы

Доклад посвящен рецепции идей И. Канта в русской культуре первой трети XIX века, в частности — в творчестве А.С. Пушкина и идеологии декабристов. Исследуется, каким образом философские концепции автономии воли, моральной свободы и «категорического императива» трансформируются в художественных образах и политических программах эпохи. Анализ влияния Канта на формирование русской культуры вообще и философских практик в частности – продолжение исследовательской программы Леонарда Александровича Калининкова, дополненное современными исследованиями русской интеллектуальной истории.

В центре внимания — проблема свободы как самоопределения разумного субъекта и её отражение в поэтике Пушкина («К Чаадаеву», «Вольность», «Алые паруса» «Полтавы» и др.), а также в программных документах декабристов. Анализируется, как кантианское различие между «внешней» (в философии права) и «внутренней» (в моральной философии) свободой определяет специфику русского романтизма и раннего либерализма. Особое внимание уделяется механизмам адаптации критической философии в построенных образах и свободы, и её субъекта.

Выдвигается гипотеза, что кантианские мотивы в русской традиции функционируют не как философская система, а как «образ мысли» (*Denkart*), позволяющий переосмыслить классические темы служения Отечеству, чести и долга в рамках новой антропологии. Доклад базируется на сопоставительном анализе текстов Пушкина, публицистики декабристов и переводных кантианских трактатов, доступных в России 1810–1820-х годов.

Список литературы

Калининков Л.А. А.С. Пушкин и И. Кант. Поэт и философия. – Калининград: издательство БФУ им. И. Канта, 2019. – 225 с.

Калининков Л.А. Поэты-мыслители А.С. Пушкин и А.А. Фет и философия И. Канта в их творчестве. – Калининград: издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 449 с.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Три тома (ред. Щипанов И.Я.), 1951 г.

Русская правда. Наказ временному правительству. П.И. Пестель, 1906 г.

Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Т.1. Декабрист в повседневной жизни.

Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография под редакцией Кирилла Андреевича Соловьева.

Хархордин О.В. Республиканские проекты в России. Журнал «Новое литературное обозрение», 2025 г.

Хархордин О.В. Республика или общее дело, полная версия.

Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов: дискурс и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Анатолий Геннадьевич Пушкарский

аналитик Академии Кантианы Образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук»
БФУ им. И. Канта

И. Кант, И.Е. Орлов и истоки релевантной логики

Сегодня творчество И.Е. Орлова достаточно хорошо известно. Главным его достижением стало создание первой системы релевантной логики, однако его статья «Исчисление совместности предложений» 1928 года долгое время оставалась неизвестной логической и философской общественности, хотя и была опубликована в журнале «Математический сборник», который имел высокую научную репутацию. Необычность данной работы состоит в том, что она стала единственной из множества его работ, которая посвящена чисто символической, математической логике и резко контрастирует со всем его остальным творчеством. Во всех остальных работах, которые так или иначе касаются логической проблематики, и в которых Орлов пытается раскрыть определенную логику диалектики природы, он не использует никаких современных логико-математических методов. К тому же все эти работы были пропитаны идеологическим содержанием, которое полностью отсутствовало в статье 1928 года. Предполагается, что создание релевантной логики стало «побочным», хотя и плодотворным результатом его поисков такой логики. Мы полагаем, что логическая система Орлова была не счастливой ошибкой в поисках диалектической логики. В значительной мере ее истоки были вдохновлены довольно нетривиальной концепцией суждения логики Канта. Ключевые положения кантовской логики Орлов довольно подробно рассматривает в своей единственной философской книге «Логика естествознания», вышедшей в 1925 году. В ней он ставит проблему построения новой логики естествознания, которая с одной стороны должна находиться в контексте философской интерпретации марксистской диалектики. А с другой стороны, требует разрешения чисто логической проблемы определения такого соотношения логического вывода и его посылок, которое должно было бы какой-то степени учитывать их смысловую и/или действительную связь. Таким образом оригинальность пионерской работы Орлова не является чем-то независимым от философских оснований главных направлений его творческих поисков, и, кроме того, имеет специфические истоки, которые отличают ее от традиционно понимаемых предпосылок появления релевантных логических систем.

Давид Олегович Рожин

Академия Кантиана / Научно-образовательный центр «Центр исследования мировой философии» БФУ им. И. Канта

Размышляя над романом С.А. Снегова «Люди как боги»: И. Кант и отклоненная альтернатива

В XIX в. вокруг кантовского тезиса о трансцендентальной идеальности чувственных форм познания – пространства и времени, развивалась оживленная дискуссия. Утверждение о том, что пространство и время нами познается не из природы объектов, а из специфики познавательной деятельности субъекта, часто вступало в противоречие со стремительно развивающимся научным знанием. Некоторые мыслители, например, А.Ф. Тренделенбург и В.Д. Кудрявцев-Платонов, отстаивая идею достоверности научного познания, обосновывали принадлежность пространственно-временных форм не только познающему субъекту, но и познаваемому объекту. В истории философии такая позиция обозначается как третья альтернатива, поскольку она объединяет два известных способа мыслить пространство и время (как принадлежащие только объекту познания или как принадлежащие только субъекту познания). Также встречается название «отклоненная альтернатива», поскольку Тренделенбург утверждал, что Кант безосновательно отклонил принадлежность пространства и времени к внешним объектам, признавая их только субъективными формами чувственного познания. Позиция Тренделенбурга встретила возражения со стороны Куно Фишера, что привело к спору, вызвавшему широкий резонанс. На сегодняшний день по-прежнему до конца не определено, рассматривал ли Кант третью альтернативу, отстаиваемую Тренделенбургом, или нет. Г. Бёрд считает, что Кант рассматривал и отклонил третью альтернативу, Э. Кантериан, напротив, считает, что Кант пренебрег третьей альтернативой. Одним из способов решения представленной проблемы, предлагаемый в докладе, обратиться к мыслительному эксперименту, инспирированному одним эпизодом из романа С.А. Снегова «Люди как боги». Снегов, по свидетельству лично его знавшего Л.А. Калининкова, безусловно читал кантовские тексты и размышлял над прозрениями кёнигсбергского философа. В указанном романе встречается эпизод с межгалактической конференцией, где представители земной расы вынуждены контактировать с иными разумными существами, жизнь которых практически не похожа на человеческую. Иными словами, описывая различные нечеловеческие формы существования, Снегов, кажется, проблематизирует представимость/мыслимость существ с иной формой чувственной организации. Если возможно представить такое существо, то пространство и время в случае человека – случайные формы чувственной организации. Значит в отношении отклоненной альтернативы правы Фишер и Бёрд. В противном случае, невозможность представить существ с иной формой организации становится доводом в пользу Тренделенбурга и Кудрявцева.

Кантовская философия как интеллектуальный горизонт белорусской литературы

В свое время глубокий философско-эстетический анализ восприятия сложной системы критицизма и образа кёнигсбергского философа в русской литературе и поэзии был блестяще осуществлен Л.А. Калининским. Большой интерес представляет собой и вопрос о специфике восприятия идей кантовской философии в белорусском культурном пространстве. Эти идеи усваивались здесь не всегда напрямую. Чаще всего это происходило через многоуровневые интерпретационные посредники, в роли которых выступала: философская публицистика, университетские образования, переводческая практика, литературно-эстетическое творчество. В этом плане белорусская интеллектуальная традиция стала примером опосредованного восприятия и усвоения философского наследия И. Канта. Так, некоторые его идеи функционировали в культурном пространстве гораздо раньше, чем начиналось формирование академического кантианства, которое, однако, не получило здесь, в отличие от России, серьезного влияния. Тем не менее, вопрос о том, каким образом эти идеи были восприняты в сфере литературно-эстетической мысли, где кантовские мотивы приобретали особую символическую и мировоззренческую функцию, является мало изученным. Поэтому автор предприняла попытку восполнить, хотя бы частично, этот пробел. Это тем более важно, что обращение к И. Канту позволяет глубже понять идейные основания самой белорусской литературы, в центре которой всегда находились проблемы личности, ее свободы, достоинства и нравственного выбора. Именно эти темы непосредственно соотносятся с ключевыми положениями практической философии и эстетики Канта. Речь идет об «отношении к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда – только как к средству»; об автономии морали, о «прекрасном как символе нравственно доброго», о «красоте, как о том, что нравственно, не вызывая интереса», об автономии эстетического и его несводимости ни к знанию, ни к морали и т.п. Это будет показано на примере творчества М. Богдановича, Я. Купалы, В. Короткевича, Василя Быкова и др.

Важно отметить, что кантовские идеи, не цитируемые здесь напрямую, реализуются как структурные категории, формируя таким образом определенный способ постановки этических и эстетических вопросов. Так осуществляется опосредованная рецепция кантовской философии в литературно-художественной форме с последующим включением ее в культурное сознание. Специфический историко-культурный и идеологический контекст усиливает ценность этой рецепции, когда именно эстетическая автономия позволяет реализовать философскую свободу в литературной форме.

Структура трансцендентального метода И. Канта

Сам И. Кант не использует словосочетание «трансцендентальный метод». В одной только «Критике чистого разума» присутствует более сотни выражений с предикатом «трансцендентальный». Однако при таком многообразии трансцендентальной семантики у Канта не нашлось места строгому понятию «трансцендентальный метод» («transscendentale Methode»). Вместо него автор «Критики чистого разума» использует амбивалентное выражение «transscendentales Verfahren», которое в русскоязычных изданиях первой «Критики» переводят как «трансцендентальный метод» (В 666). Выражение «трансцендентальный метод» («transscendentale Methode») используется со времен А. Рия (1876 г.) и Г. Когена (1877 г.). Например, Коген употребляет его в качестве синонима кантовского выражения «критический метод».

В сфере *теоретического разума*, формулирует Кант, *трансцендентальным* называется всякое познание, которое занимается не столько предметами, сколько видами (формами) познания предметов, но только такими, которые делают возможным познание *a priori* (В 25). Иначе говоря, трансцендентальный метод исследует одни лишь априорные формы познания. Такой метод должен изучать как аналитическое, так и синтетическое познание *a priori*. Однако в первую очередь в области теоретического разума трансцендентальный метод скрупулезно исследует *синтетическое* познание, или *трансцендентальный синтез* (опыт). Нужно сразу же подчеркнуть, что трансцендентальный (= критический) метод – это не частнонаучный метод наподобие наблюдения, анализа или индукции, а широкая исследовательская *стратегия*, включающая в себя самые разнообразные и многочисленные конкретные методы и процедуры.

В «Трансцендентальной эстетике» Кант совершает процедуру редукции, «изолируя» чувственность и выделяя эмпирические созерцания (первый этап редукции). Далее он «отделяет» от созерцания всё, что принадлежит ощущению, открывая тем самым чистые априорные формы чувственного созерцания – пространство и время. В ходе редукции Кант использует совокупность *анализа и мысленного эксперимента*.

В «Трансцендентальной аналитике» философ использует трансцендентальный метод для определения а) происхождения, б) объема и с) объективной значимости познаний (понятий) *a priori*. При этом он использует логическую процедуру открытия чистых понятий рассудка, исходя при этом из логических функций рассудка в суждениях (так называемая метафизическая дедукция). Эта процедура дает в итоге априорные категории рассудка, из которых следуют и другие производные чистые понятия (предикабилии). После этого следует важнейшая для конституирования опыта процедура *трансцендентальной дедукции категорий*, в ходе которой Кант использует как *анализ* («дедукция сверху»), так и *синтез* («дедукция снизу»). Помимо аналитической и синтетической составляющих трансцендентальная дедукция представляет собою *рефлексию* и *мысленный эксперимент*. Кроме того, Кант исследует отношение понятий *a priori* к чувственным представлениям, что собственно и создает опыт. В «Аналитике основоположений» Кант тематизирует *способность суждения* как условие возможности (= канон) применять к явлениям априорные понятия рассудка. И здесь прежде всего используется *мысленный эксперимент*.

В «Трансцендентальной диалектике» Кант использует *трансцендентальную рефлексию* для того, чтобы вскрыть источники трансцендентальной видимости, т.е. логической ошибки разума, при которой *чистое мышление* (трансцендентные идеи разума) выдается за *синтетическое познание*, конституированное чувственностью и рассудочными понятиями *a priori*.

Помимо этих сфер трансцендентальный метод – как широкая исследовательская стратегия – применяется Кантом в сфере практического разума и областях искусства и религии.

О сходстве некоторых идей прп. Нила Сорского и Иммануила Канта в вопросе построения этического сообщества

И Кант, и Нил Сорский, несмотря на непересекающиеся между собой исторические эпохи, в которых они жили, отмечали в качестве цели существования человека его необходимое стремление к достижению идеала нравственного совершенствования. Вместе с тем оба мыслителя по-разному обосновывали стремление человека к нравственному совершенствованию и строили персональную жизненную траекторию в качестве поддержки собственных идей. Что же их может, на наш взгляд, объединять, — это попытка конструирования феномена этического сообщества (в терминах Канта – «царства целей») как в теоретическом, так и в практическом значении. Подчеркнем, что подобное сравнительное исследование еще не было проведено ни в кантоведении, ни в христианской теологии.

Кант, будучи светским философом, апологетом идей Просвещения (XVIII в.), продвигавший верховенство разума (по факту, господство практического над теоретическим) в своих этических сочинениях, пытался разработать непротиворечивую модель функционирования морали и в этой связи определил человека как цель природы. Однако, стоит отметить, что Кант не был философом-практиком в том смысле, что он собственноручно не основал какое-то сообщество (социальный институт) для реализации своих идей при жизни (хотя такой задачи он мог и не ставить перед собой).

Нил Сорский, живший в XV веке на Руси, стал одним из первых, кто на практике внедрил скитское житие (по образу афонских монахов), ранее неизвестное на русской земле в отличие от существовавших форм (общежитие и полное отшельничество). После изучения греческого языка и писания святых отцов на Афоне и изучения практических аспектов монашеской жизни, он вернулся в Кирилло-Белозерский монастырь и вскоре покинул его, чтобы за 16 километров от монастыря в непролазных лесах на болотистой местности (нынешней Вологодской области) у реки Сорка (Сора) своими руками построить скит, в котором впоследствии жили 12 старцев. Позже Нил Сорский разработал Устав скитской жизни, в котором описано, какую работу необходимо проделывать для совершенствования духа и тела.

Что касается содержательных аспектов идеи построения морального сообщества, то Кант в «Религии в пределах только разума» (1793 г.) подчеркивает важность «перемены в мыслях» (отказ от злого принципа и усвоение доброго образа мыслей через моральную свободную волю и долг) и в качестве прообраза идеального сообщества выдвигает идею о свободном от внешнего принуждения этическом общежитии или, как он его иначе именуется, - «этическое государство божье». В более ранней работе - «Основы метафизики нравственности» (1785 г.) используется понятие «царство целей», под которым понимается «систематическая связь между различными разумными существами через общие им законы», причем частные цели каждого субъекта должны быть тождественны целому всех целей: «моральность состоит, таким образом, в отношении всякого поступка к законодательству, благодаря чему только и возможно царство целей». Законодательством выступает воля субъекта, реализуемая через категорический императив.

Преподобный Нил Сорский предписывал инокам нестяжательство и приобретение необходимого для жизни только своим трудом. Вместе с тем Нил Сорский не оправдывал полного аскетизма, так как считал, что жизнь в одиночестве озлобляет человека, делает его ненавистным ко всему: «*Чтение молитв и всякое прилежное богослужение не ведет само по себе к спасению без внутреннего делания*». Основываясь на трудах Нила Сорского, выделяют так называемое «умное делание» (внутреннее делание), которое заключается в осознанной (волевой) работе с разного рода помыслами, состоящими из следующих элементов/этапов: «прилог» (любая мысль, пришедшая на ум), «сочетание» (внимание, которое человек обратил

на мысль), «сложение» (склонение в сторону дурной мысли/мотива), «пленение» (полное господство помысла над мотивом человека). «Пленение» состоит из двух степеней: первая степень – ум увлекается злым помыслом против своего желания, вторая степень – беспокойство умонастроения («потеря мирного умонастроения»). В концепции «умного делания» Нил Сорский упоминает Григория Синаита, который писал: *«Ибо когда придет действие молитвы, тогда, воистину, удерживает оно ум при себе, и веселит, и избавляет от пленения».*

Если попытаться сделать промежуточный вывод, то вполне можно оправданно сказать о том, что Нил Сорский внедрял принцип сочетания духовной молитвы и телесной работы (по мере физических сил каждого, без самоистязательства), которые в итоге должны привести монаха к благодати, по сути, нравственному совершенствованию.

С учетом взглядов Канта на «земную церковь» может показаться, что корреляцию чистого морального долга с богопочитанием, которое внедрялось Нилом Сорским в скитском житье, невозможно осуществить, ведь в заключительных замечаниях «Религии в пределах только разума» утверждается: *«Мы постигаем лишь моральные отношения человека к человеку; вопрос же о том, каково отношение между человеком и Богом, полностью выходит за пределы этики и абсолютно для нас непостижим. <...> Этика не может быть расширена за пределы взаимных обязанностей людей».* Однако сам Кант ранее (в последнем абзаце второго раздела «Этическая аскетика») отмечает, что «самодисциплина человека может стать похвальной и образцовой лишь благодаря сопутствующему ей радостному расположению духа», в остальных же случаях (самобичевание, пост) культивирует ненавистное отношение к добродетели. На наш взгляд, Кант в этом тезисе имплицитно пытается связать эмоцию радости с интеллектуальной удовлетворенностью (или «неизменной самоудовлетворенностью»), которую он описал в «Критике практического суждения» (1788 г.) как награду за реализацию свободы через категорический императив. В любом случае Кант допускает и монашескую аскетику, и диететику в том случае, если они сопровождаются радостью духа при нравственном совершенствовании.

Вячеслав Викторович Фролов

студент магистратуры философского факультета РГГУ

**Кант как союзник теизма в статьях профессоров русских духовных академий
С.С. Глаголева, В.И. Экземплярского, Д.П. Миртова**

Мой доклад посвящён проблеме восприятия наследия Иммануила Канта русской духовно-академической философией. В XIX веке профессора церковных высших учебных заведений в основном настороженно относились к идеям немецкого мыслителя. Однако уже у представителей т. н. «школы верующего разума» мы встречаем и положительный интерес к некоторым из них. Так, В.Д. Кудрявцев-Платонов и А.И. Введенский признавали справедливой критику Кантом традиционных доказательств существования Бога.

В дальнейшем в церковной богословской и философской публицистике мы можем заметить всё более частые отсылки к Канту. Распространение в образованном российском обществе идей нищезанятия, материализма и атеизма подвигает церковных философов к поиску аргументов для полемики. И здесь в лице Канта теистическая философия увидела своего союзника. Ограниченность эмпирического знания, нравственная свобода личности, постулаты бессмертия души и существования Бога становятся для философов российских Духовных Академий опорными пунктами апологии теистического мировоззрения.

В своём докладе, на примере статей С.С. Глаголева «Религиозная философия Канта», В. И. Экземплярского «К вопросу об отношении нравственности к политике» и Д.П. Миртова «Нравственная автономия по Канту и Ницше», я продемонстрирую отношение представителей русской духовно-академической философии к учению Иммануила Канта и использование его идей для апологии христианско-теистического мировоззрения.

Так Глаголев утверждает, что русская богословская школа многим обязана Канту. Высоко оценивая достижения Канта в области теории познания и этики, Глаголев, тем не менее, призывает церковных богословов и философов трезво относиться к его идеям, отсеивать ошибочное и развивать истинное. Экземплярский видит в политических идеях Канта возвышение политической мысли к нравственным нормам христианства. Миртов, сопоставляя моральное учение Ницше и Канта, видит в идеях последнего действительное обоснование свободной нравственной личности, а для развития этического учения ведущего к гармонии человеческого существования утверждает необходимость вернуться опять к Канту.

Понятие антагонизма в кантовской философии истории

История и реальная, и вымышленная задаётся конфликтом: герой-протагонист сталкивается с противодействием, которое составляет основное содержание повествования и способ разрешения которого определяется смысл истории. Кант, имеющий репутацию систематика и критика нестрогих способов мысли, в 1780-90х разворачивает собственное повествование (в классификации Хейдена Уайта — ироническое) о задатках человечности, проходящих развитие в естественной и всемирно-гражданской истории. По собственному определению Канта, способом, которым природа побуждает конкретных людей и их группы к реализации этих общих задатков, является антагонизм. Стандартная интерпретация антагонизма сводит его к «необщительной общительности». Доклад будет посвящён иным и более глубоким истокам кантовского понятия антагонизма в его докритических работах о естественной истории, логике и метафизике. Становление понятия антагонизма у Канта происходило под влиянием Ньютона и в преодолении статического и провиденциального механицизма динамической теорией развития вселенной под действием естественных сил (1755). Монистическому и гармоническому видению предшествовавших метафизических (лейбницеанских) и «математических» (ньютонианских) доктрин Кант противопоставляет плюралистическое и антагонистическое, единственной силе притяжения — дуализм сил притяжения и отталкивания. Результатом становится специфическое кантовское понятие естественной истории как развития вселенной во взаимодействии противоположностей, где человеческая история выступает расширением естественной, а кантовская философия истории критического периода — продолжением докритического проекта. Физические результаты Кант обобщил в разработке метафизического различия между логическим противоречием и реальной противоположностью (1763). Трансцендентальное обоснование роли отталкивания и притяжения как необходимых форм представления материи предложено в «Метафизических началах естествознания» (1786). Это развитие составило глубокую основу для появления широко известной концепции «необщительной общительности» в кантовской критической философии истории и политики. Таким образом, понятие «необщительной общительности» из кантовской философии истории является частным преломлением общего антагонистического миропонимания и не может считаться, как в основном принято в существующей литературе, произвольным, не несущим нагрузки и не влекущим значимых последствий добавлением к кантовскому политическому рационализму и идеализму.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 25-28-00698 «Разработка кантовской концепции антагонизма и критика современных интерпретаций “вечного мира” в теории международных отношений», <https://rscf.ru/project/25-28-00698/>

Кант в новейшей немецкой художественно-эссеистической прозе

Доклад посвящен исследованию стратегий популяризации кантовской философии в эссеистических и художественных произведениях, изданных в Германии к 300-летию Иммануила Канта.

Одной из самых востребованных книг, появившихся в 2024 году, стала работа профессора философии Маркуса Виллашека «Кант. Революция мышления» («Kant. Revolution des Denkens»), которая представляет собой не новую биографию и не академическую философскую рефлексию, а серию эссеистических текстов, объединенных авторской стратегией перекинуть мост от новаторских идей философа к современности.

Сборник диалогов в восьми главах «Звёздное небо надо мной» («Der bestirnte Himmel über mir»), составленный известным австрийским писателем Д. Кельманом и философом О. Бёма рассчитан содержательно на более подготовленную читательскую аудиторию. Сложность содержания диалогов компенсируется формой изложения, вызывающей интерес и эмоциональный отклик читателя.

Оригинальную форму популяризации кантовских идей и привлечения внимания к личности Канта предложили А. Херцог и Т. Эберс в издании «Иммануил Кант и открытые вопросы» («Immanuel Kant und die offenen Fragen»), которое представляет собой калейдоскоп коротких текстов, дополненных иллюстрациями и повествующих не только о повседневности философа, но и поясняющие в доступной форме его основополагающие идеи.

Отдельное место в ряду новых книг о Канте, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, занимает роман «Слуга философа» («Der Diener des Philosophen»), написанный к кантовскому 300-летию философом Ф. Хайденрайхом. Содержание романа не сводится к изображению типичной для XVIII века комедийной истории об интригах слуги, как это можно предположить, прочитав название романа. Вниманию читателя предстает калейдоскоп органично дополняющих друг друга эпизодов и образов. Автор демонстрирует себя не только как тонкий знаток биографии Канта и его философских трудов, но и как последователь и приверженец литературного стиля Д. Кельмана и У. Эко. Текст романа представляет из себя переплетение в повествовании элементов иронии, фэнфикшена, литературных портретов ближайшего окружения Канта, аллюзий на идеи эпохи Просвещения. Образ Канта в романе приближен к архетипу современного человека.

Выгоды репризы трансцендентального идеализма в работах Гуссерля

Доклад посвящён исследованию трансцендентального поворота в феноменологии и детальному разбору соответствующих методологических преобразований.

В центре внимания – гуссерлевская реприза трансцендентального идеализма и ввод чистого эго в качестве необходимого полюса интенциональности, с сохранением фокуса на ноэтическо-ноэматической структуре интенционального акта.

Планируется обоснование гипотезы о том, что в рамках гуссерлевских работ от раннего до среднего периода, ввод чистого эго в философскую систему в качестве особой пресуппозиции (наряду с сопутствующими методологическими преобразованиями) не был фатальной ошибкой ведущей к солипсизму, но был продиктован специфической проблематикой исследований проявляющейся на стыке картезианства и Brentановской эмпирической психологии и был осуществлён намеренно в пользу разрешения ряда фундаментальных эпистемологических и онтологических проблем (обоснования этики, математических истин, внутреннего сознания времени). При этом, несмотря на видимую «закрытость» философской системы на данном этапе (мир за скобками, идеалистическое положение о чистом эго), поворотом к трансцендентальной традиции Гуссерль успешно преодолел ряд проблем, которые не находили разрешения ни в рамках картезианского субстанциального дуализма, ни в строго эмпирической психологии Brentано.

В качестве аргументов рассматриваются исследования Яна Паточки и Н.В. Мотрошиловой, а также письма Гуссерля и воспоминания о Brentано, демонстрирующие намеренность и выгоды вышеупомянутых методологических преобразований.

В итоге предлагается интерпретация трансцендентального поворота Гуссерля, позволяющая взглянуть на рецепцию кантовских идей, как на необходимый и полезный шаг на пути к преодолению психологизма, с целью поиска твёрдых рациональных оснований математических истин, этики, внутреннего сознания времени. При этом, в отличие от «веры в мир» картезианского характера Гуссерль избегает лишних онтологических допущений, используя оба полюса интенциональности лишь для точности описания потока переживаний в сознании, которое впоследствии (с определёнными оговорками) может опираться и на Жизненный мир за пределами ноэтическо-ноэматических структур сходящихся в чистом эго.

Список литературы

1. Brentано Франц, О будущем философии. Избранные труды / пер. с нем. Р.А. Громова.- М.: Академический проект, 2018, - 629 с. — (Философские технологии).
2. Гуссерль Э., Избранные работы/ Сост. В.А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») – 464 с.
3. Гуссерль Эдмунд. Картезианские размышления/ пер. с нем. вступ. ст. и коммент. Д.В. Складнева – СПб.: «Наука», «Ювента», 1998. – 695 с.
4. Кант И. Сочинения : на нем. и рус. яз.; отв. за изд. Нелли Мотрошилова и Буркхард Тушлинг; Т. 2, ч. 1: Критика чистого разума - 2-е изд. (В), 1787. – Москва : Наука, 2006.
5. Мотрошилова Н.В. Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Гаале, 1887-1901 годы): Прогресс-Традиция, 2018. – 624 с.
6. Jan Patočka, Fenomenologické spisy. II, Co je existence : publikované texty z let 1965-1977 /Sebrané spisy Jana Patočky; sv. 7; připravili k vydání Pavel Kouba a Ondřej Švec. Praha: OIKOYMENH ; Filosofia, 2009 – 669 s.